

Шэн Синъюань не знал, почему Хань Жуй внезапно помрачнел, да и не стремился узнать.

У каждого свои секреты. Он, конечно, сопереживал Хань Жую, но не настолько, чтобы навязываться и лезть к нему в душу.

Новый год приближался, и в роте новобранцев воцарилась особенная, зыбкая атмосфера. Одни тосковали по дому, другие же, напротив, горели желанием блеснуть талантами на праздничном концерте.

— Командир, как думаешь, с каким номером мне лучше выступить? — хохотнул Ян Сяоху.

— Показывай то, что лучше всего умеешь! — подбодрил его Шэн Синъюань. — На Новый год главное — побольше шума и веселья. Так что чем больше номеров, тем лучше!

— Правда?

— Абсолютная правда.

Довольный Ян Сяоху умчался и тут же утащил за собой Чжан Шуая — шушукаться о чем-то в углу.

Шэн Синъюань вернулся на место и приготовился писать письмо домой.

Вдруг раздался тихий, осторожный кашель.

С того дня, как Хань Жуй вспылil и ушел, они толком не разговаривали. Синъюань хоть и отличался мягким характером, но терпеть чужие барские замашки без причины не нанимался. Из-за этого между ними пробежал холодок.

— Что с тобой? — заметив его нездоровый вид, Шэн Синъюань не выдержал и проявил участие.

Хань Жуй покачал головой. Голос его звучал сипло.

— Все в порядке.

— Может, покажешься санинструктору?

— Не нужно.

Шэн Синъюань, подозревая неладное, протянул руку и коснулся его лба:

— Да ты горишь! Выпей таблетку.

В ящике стола как раз оставалось немного жаропонижающего. Синъюань быстро отыскал блистер и протянул Хань Жую.

Тот замер, тупо глядя на лекарство на чужой ладони.

— Чего застыл? Пей давай! — поторопил его Шэн Синъюань, протягивая кружку с теплой водой.

— Ладно, — то ли из-за слабости, то ли тронутый тем, что Синъюань не стал поминать старую обиду, Хань Жуй забрал таблетки и махом закинул их в рот.

— Запей! — Шэн Синъюань покачал головой от такой бесцеремонности и торопливо сунул ему кружку, опасаясь, как бы тот не подавился сухими капсулами.

— Насчет того дня...

— Что? — Хань Жуй говорил так тихо, что Синъюань едва расслышал.

— Был не в духе. Извини, — глухо выдавил Хань Жуй.

— А, ты об этом? — Синъюань наконец понял, что этот гордец вымучивает из себя извинения. Он невольно улыбнулся, и взгляд его потеплел. — Я уж и думать забыл, а ты переживаешь.

— Вот и отлично, — Хань Жуй прислонился затылком к двухъярусной кровати.

Глядя на его пышущее жаром, пунцовое лицо, Шэн Синъюань расправил одеяло и буквально заставил больного лечь и укрыться по уши.

К вечеру жар так и не спал.

Шэн Синъюань не на шутку затревожился. Он заставил Хань Жую выпить еще теплой воды и отправился с докладом к командиру взвода.

Хотя служба в роте новобранцев была суровой, здоровье бойцов оставалось в приоритете. Едва услышав о высокой температуре, взводный приказал Синъюаню немедленно вести больного в санчасть.

Вернувшись в кубрик, Шэн Синъюань легонько растолкал Хань Жую:

— Эй, проснись.

— М-м-м?... — Хань Жуя лихорадило, он лежал совершенно изможденный.

— Поднимайся, идем в санчасть.

— Не пойду, — он упрямо отвернулся к стене.

— У тебя жар, дубина!

Хань Жуй промолчал, лишь сильнее вжавшись в матрас.

Шэн Синъюань едва не рассмеялся от злости на это детское упрямство. Он подозвал Лянь Чжигу, и они вдвоем, не обращая внимания на протесты, стащили Хань Жуя с кровати.

— Вы что творите?! — огрызнулся тот, пытаясь вырваться.

— Лечить тебя ведем!

Когда Хань Жуя опустили на пол, накинули на него шинель и обули, Синъюань заметил, что парня качает из стороны в сторону — он едва держался на ногах.

— Может, дотащить тебя на закорках?

— Сам дойду! — упрямо буркнул Хань Жуй, попытался выпрямиться и шагнул к выходу.

Шэн Синъюань поспешил за ним и вовремя подхватил под мышку, навалив на свое плечо. Хань Жуй оперся на него и благодаря этой поддержке избежал позорного падения посреди коридора.

В санчасти градусник показал тридцать девять.

Санитар вкатил больному жаропонижающий укол, выдал порошки и строго велел Синъюаню следить за его состоянием: если температура не спадет к утру, придется везти в госпиталь.

Шэн Синъюань кивнул, запоминая инструкции, и повел Хань Жуя обратно, придерживая его за талию.

— Поспал бы — и все прошло бы. К чему этот сыр-бор... — проворчал Хань Жуй. Укол, кажется, немного вернул ему силы.

— Не умничай. Если бы ты от такого жара без мозгов остался, мне бы потом отвечать пришлось, — беззлобно поддел его Синъюань.

— Для такого, как я, это было бы лучшим выходом, — горько усмехнулся Хань Жуй.

Шэн Синъюань, таща его на себе, неторопливо шагал по заснеженному плацу.

— Не мели чушь. Тебя ведь не ветром надуло — родители есть. Представь, каково им будет, если с тобой что-то случится.

Губы Хань Жуя дрогнули в болезненной, язвительной ухмылке:

— Да кому до меня есть дело...

Шэн Синъюань осекся. Даже со своей порой непробиваемой простотой он давно подметил закономерность: стоило заговорить о семье или причинах его службы в армии, как Хань Жуй тут же выпускал иголки.

— Всегда найдется тот, кому ты дорог. Не бывает так, чтобы человека за всю его жизнь никто не полюбил.

Хань Жуй задумался, но ничего не ответил. Они молча дошли до казармы.

Глубокой ночью жар наконец отступил.

Шэн Синъюань так и не сомкнул глаз, то и дело меняя холодные компрессы на лбу больного. Он даже отказался от помощи Юй Вэя, который предлагал его подменить. Хань Жуй в бреду становился опасно агрессивным — Лянь Чжигу уже успел огрести от него по физиономии, и Синъюань не хотел подставлять под удар остальных ребят.

— Командир, ты как, держишься? — шепотом спросил Юй Вэй, приподнимаясь на кровати.

— Нормально, ложись спать.

— Да уж, ну и характер у этого Хань Жуя. Чжигу просто хотел вытереть ему пот со лба, а этот дикарь ка-а-ак заедет ему в челюсть! — Юй Вэй покосился на нижний ярус, откуда доносился мерный богатырский храп пострадавшего Лянь Чжигу. — Ты поосторожнее с ним, командир. А то прилетит еще ни за что ни про что.

— Разберусь. Он это неосознанно сделал, в бреду.

— Да если бы сознательно, Чжигу бы его прямо там и закопал, — пробурчал Юй Вэй. — Ладно, я на боковую. Если что — растолкай меня.

— Договорились, спи, — Шэн Синъюань негромко усмехнулся.

Вскоре Юй Вэй затих, и в казарме воцарилась глубокая тишина.

Шэн Синъюань приложил ладонь к чужому лбу — кожа была прохладной и влажной. От обильного пота одежда Хань Жуй насквозь взмокла. Почувствовав дискомфорт, парень приоткрыл глаза и мутным взглядом уставился на склонившегося над ним Синъюаня.

— Проснулся? — мягко спросил тот.

— Угу... — Хань Жуй с трудом сфокусировал взгляд. — Ты чего не спишь?

— Да вот, караулю тебя, — Шэн Синъюань налил из термоса теплой воды и приподнял его голову. — На, сделай пару глотков.

Хань Жуй послушно отпил и хрипло спросил:

— Ты все это время сидел со мной?

При этих словах Синъюань не сдержал улыбки:

— А кто еще? Стоило ребятам к тебе сунуться, как ты сразу пускал в ход кулаки. Вот так, — он в шутку рассек воздух кулаком. — Лянь Чжигу знатно от тебя прилетело. Завтра же извинись перед ним.

Хань Жуй смущенно отвел взгляд.

Шэн Синъюань запустил руку под одеяло, проверяя простыни:

— Белье хоть выжимай. Давай-ка переоденем тебя, а то снова простудишься.

Хань Жуй покорно кивнул:

— Спасибо тебе.

— Нашел за что благодарить. Я же твой командир, как-никак.

Услышав это, Хань Жуй слабо улыбнулся. Его бледное после болезни лицо в мягком свете луны, падавшем из окна, казалось выточенным из тончайшего белого нефрита.

Шэн Синъюань потянулся за сухим комплектом белья, а когда обернулся, его взгляд зацепился за эту редкую, обезоруживающую улыбку.

На мгновение его охватило странное оцепенение: показалось, будто перед ним сидит вовсе не ершистый Хань Жуй, а совершенно незнакомый, удивительно мягкий человек.

— Что-то не так? — Хань Жуй недоуменно приподнял бровь.

— Да нет, ничего. Переодевайся давай, — Синъюань тряхнул головой, отгоняя странный морок.

Хань Жуй забрал чистые вещи и медленно, все еще преодолевая слабость, сменил влажную одежду.

Синъюань пощупал его матрас — тот тоже намок от пота.

— Постель у тебя сырая. Давай ко мне, потеснимся на одну ночь?

Хань Жуй замялся. Он терпеть не мог делить постель с кем бы то ни было.

— Я ничего такого не имею в виду, просто ты только-только пошел на поправку, спать на сыром нельзя, — пояснил Синъюань, заметив его колебания. — Или не любишь тесноту? Ладно, ложись на мою койку, а я пойду к Ян Сяоху пристроюсь.

— Не надо, — Хань Жуй качнул головой. — Ложись здесь. Перебьюсь как-нибудь.

— Ну гляди, обещаю на пол тебя не сталкивать! — подмигнул ему Шэн Синъюань.

Хань Жуй слабо усмехнулся и осторожно сполз со своего верхнего яруса.

— Полегче! — Синъюань вовремя подстраховал его, помогая спуститься.

— Да не хрустальный я, — буркнул парень, но руку с его плеча убрал не сразу.

— Под одеяло давай, быстро! — Синъюань укутал его по самые плечи, а следом скользнул и сам. — Если станет хуже — сразу говори.

— Все нормально.

Ютиться двум рослым парням на узкой солдатской койке было тем еще удовольствием. Синъюань невольно подумал, что делить ложе с щуплым Юй Вэем было бы куда проще — тот хотя бы места занимал вполтину меньше.

Вслух он, конечно, ничего не сказал. Хань Жуй, несмотря на свой колючий нрав, был натурой крайне ранимой. Стоило проявить хоть тень недовольства, и упрямец тут же уполз бы обратно на свой сырой матрас.

Сначала они честно пытались лежать на спине, но Синъюань быстро понял, что этот номер не пройдет — половина его плеча сиротливо свисала в проход казармы. Поняв это, Хань Жуй молча повернулся на бок. Синъюань последовал его примеру, и теперь они лежали лицом к лицу.

Тут-то и навалилась неловкость.

Ни один из них сроду не спал с кем-то в такой близости. Лицо к лицу, дыхание в дыхание. Синъюань попытался поудобнее пристроить руки и ноги, но узкая койка не оставляла пространства для маневра — любое шевеление приводило к случайным касаниям. Это было крайне непривычно.

— Может, я все-таки уйду к себе? — негромко спросил Хань Жуй.

От его тихого шепота теплое дыхание коснулось щеки Синъюаня, вызвав легкую щекотку.

— Хватит болтать, спи давай, — Шэн Синъюань решительно подоткнул под него одеяло, обрывая пререкания.

Темные глаза Хань Жуя пристально всмотрелись в его лицо в полумраке кубрика, после чего парень молча отвернулся к стене.

Шэн Синъюань тихонько выдохнул и прикрыл глаза.

Но заснуть рядом с горячим, живым телом под боком оказалось задачей не из легких. Чтобы не тревожить выздоравливающего, Синъюань старался лежать смирно, не ворочаясь. Терпел долго, но в конце концов усталость и бессонная ночь взяли свое. Он забылся тяжелым сном, развернувшись спиной к спине Хань Жуя.

Наутро наступило двадцать девятое число последнего месяца года — канун праздника.

Командование роты объявило о трехдневных каникулах. Новобранцев строем повели в баню, подстригли и выделили время для звонков домой.

Праздничная суэта лишь сильнее бередила тоску по родному очагу. Шэн Синъюань, много лет проучившийся вдали от дома, считал себя вполне самостоятельным, но перспектива впервые встретить Новый год в казарме нагоняла на него легкую грусть.

Ян Сяоху тем временем всю репетировал свое выступление с бамбуковыми трещотками-куайбань, бесцеремонно припахав Юй Вэя и Лянь Чжигу в качестве критиков.

Чжан Шуай примостился на табурете с письмом из дома и улыбался во весь рот.

— Чему так радуешься? — Шэн Синъюань стряхнул нахлынувшую меланхолию и подошел ближе.

— Командир! Наша свиноматка опоросилась! Сразу полтора десятка поросят принесла! — радостно выпалил Чжан Шуай.

— Ого, знатное прибавление! Наверное, хорошую копейку выручите? — Синъюань в животноводстве не смыслил ровным счетом ничего, но, судя по восторженному лицу бойца, событие было действительно долгожданным.

— Еще бы! — Чжан Шуай сощурился от счастья. — Весной, как подрастут да окрепнут, продадим — вот братишке младшему на учебу и наберется.

Шэн Синъюань мягко улыбнулся:

— У тебя и младший брат есть?

Чжан Шуай с гордостью закивал:

— Да, командир! Он у меня головастый, всегда первый в классе. Вся деревня говорит, что ему прямая дорога в университет!

— Молодец. Ну, тогда и ты держи марку, не уступай брату!

— Так точно! — выпалил Чжан Шуай с несвойственным ему пылом, растеряв всю свою обычную застенчивость.

Хань Жуй сидел на своей койке, безучастно наблюдая за чужим восторгом, а затем тихо отвернулся к окну.

Заметив это, Шэн Синъюань подошел и на всякий случай приложил ладонь к его лбу. Температура была в норме. Значит, дело не в болезни.

— Что стряслось? — негромко спросил он.

— Ничего, — Хань Жуй мотнул головой.

— Пошли к ребятам, послушаем Сяоху? — предложил Синъюань.

— Иди сам, а я тут побуду, — Хань Жуй выдавил подобие улыбки и вновь прислонился спиной к стене.

— Кстати, — Шэн Синъюань внезапно вспомнил отличную новость. — Во второй половине дня нашему взводу дают доступ к телефонам. Каждому по три минуты. Подумай пока, кому позвонить, подготовь речь!

Хань Жуй замер. Спустя долгую паузу он медленно вытянул из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой и глухо бросил, глядя на пляшущий огонек:

— Мне некому звонить.

<http://bllate.org/book/18240/1751571>